

Есть люди, у которых разорвана связь с миром. Они, словно необитаемые планеты, сосредоточены лишь на себе. Поэт Николай Старшинов — полная им противоположность. Ему было мало уже существующих связей, друзей, товарищей, знакомств. Он должен был всё время чувствовать себя звеном в цепи, в дружеском кругу, ощущать себя «в строю — как дерево в лесу». Откуда это? Не из той ли поры, о которой он сам написал когда-то: «И вот в свои семнадцать лет я встал в солдатский строй...»? Смотришь сегодня на его фотографию тех лет и удивляешься: совсем ещё мальчишечка на ней, с тонкой шеей, с лихо надвинутой на лоб пилоткой, из-под которой на нас устремлён отнюдь не грозный, а доверчиво-добрый взгляд чёрных глаз. Правда, поначалу этот взгляд обнаружил, что вокруг у всех «шинелей серый цвет, у всех — один покрой...». И как-то неуютно стало молодому солдату от унылой похожести на всех, от внешней обезличенности. Но шла большая, великая война, и тем дороже был для всех опыт артельности, фронтового братства.

Мети, метель, мороз, морозь,
Дуй ветер, как назло, —
Солдатам холодно поврозь,
А сообща — тепло.

Этот худенький, цыганистый парнишка сполна успел узнать весь трагизм войны, все её тяготы, всю незащищённость перед ней. Был он пулемётчиком. Командиром расчёта. Тяжёлый станковый пулемёт «Максим» помнился долго, не забыто, сколько весит каждая его часть. Скрыться, спрятаться за «Максимом» практически было нельзя, и потому пулемётчики в некотором роде были смертниками. Перед наступлением, под огнём, посылают их вперёд, насколько можно прорваться: бегом, бегом... 100... 200 метров... Ложишься, стреляешь, за тобою поднимается пехота, потом — снова вперёд, очередные метры, кажущиеся расстоянием в вечность. И это — с тяжёлым пулемётом, да часто и после долгого недоедания...

При мне Старшинов рассказывал: «Мы постоянно хотели есть... В болотах, в грязи, на холоде... Шли по Смоленщине, край голодный, тут и вовсе ни картошки, ни хлеба. Помню, перед самым боем идёт стрельба, снаряды летят, а Малинов из моего расчёта сел на бугорок, достал из вещмешка хлеб и уплетает его. Я ему: „Ты что, стреляют же, прячься, потом доешь!“ А он: „Всё равно сейчас в бой, а там, глядишь, убьют — пропадёт ведь хлеб!..“ Да, молодые были, организм здоровый, требовал...».

Немецкие миномётчики били по нашим огненным точкам. Попадали обычно с третьего раза: недолёт, перелёт, а третий снаряд ложится по цели. В один из таких обстрелов и был тяжело ранен Николай Старшинов. До конца жизни носил он в перебитой ноге осколки. Другими осколками, засевшими в сердце, стали воспоминания о погибших товарищах, о военной молодости. И сегодня, после стольких мирных лет, когда почти совсем не осталось в живых бывших фронтовиков, когда не стало и самого поэта, невозможно спокойно читать знаменитые старшиновские стихи:

Когда, нарушив забытьё,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За неё.

В летописи войны — это, может быть, дни из самых правдивых строк. В них такое будничное, прозаическое отношение к смерти, равной подвигу! В них любовь к родному точно и просто передана через суровый, молчаливый, ежедневный, ежечасный ратный труд солдат. Громкие слова здесь равносильны фальши. Может, именно на этих первых стихах о войне вырабатывался у поэта иммунитет против всего парадного, велеречивого!

Удивительный, человек, никто не чувствовал себя при нём статистом, исполнителем маленькой роли. Он расточал себя с какой-то даже радостью, словно бы на нём подтверждаются евангельские слова: «сберёгший душу свою потеряет её...» Старшинов не трясся скупым рыцарем над собственной душой, оттого она у него и не скудела, её хватало на всех. После войны он работал литературным консультантом в «Известиях», был первым редактором отдела поэзии в журнале «Юность», вёл литературное объединение в Московском университете, более двадцати лет руководил популярным, единственным в стране общесоюзным альманахом «Поэзия», вёл семинары в Литературном институте, был постоянным творческим руководителем всех последних Всесоюзных совещаний молодых писателей...

Василий Шукшин писал когда-то: «Талантливая честная душа способна врачевать, способна помочь в пору отчаяния и полного безверия, способна вдохнуть силы для жизни и поступков...». Не этим ли объясняется такая тяга многих к Старшинову — поэту и человеку, словно бы к некой духовной опоре?.. Сам он видел предназначение поэзии в «просветлении души». Все его стихи врачующе светоносны. В них чистое, здоровое дыхание жизни.

Снова сердце распахнуто настежь,
И добра и привета полно,
Я желаю высокого счастья
Всем, кого обходило оно...

...Что ж тужить нам о вёснах и зимах,
Если были во веки веков
Даже зимние очи любимых
Голубее любых васильков?..

Читая эти строки, узнаешь особую, ни на чью не похожую старшиновскую нежность, во многом определяющую его творчество, думаешь о нелегко дающейся простоте и о прозрачной, до самого дна просвечивающей ясности!.. Закономерно, что у него так много светлых, согретых подлинной сердечностью стихов о любви, о женщине, о матери!.. Даже в минуту отчаяния он не любит жаловаться, ныть, и вслед за нечаянно вырвавшимся признанием: «В жизни я достаточно продрог...» у него идёт обязательное, сугубо старшиновское предупреждение: «Только умоляю — не сочувствуй!» Но не будем думать, что это идёт

от игры или от «железобетонности», твёрдости характера. Мы-то ведь помним (должны помнить!) ещё со времен Есенина, что именно «нежным — даётся печаль». Нет, просто Старшинов из поколения такой закваски, такого жизнелюбия, что можно позавидовать! Пройдя через горнила нечеловеческих испытаний, он сохранил в душе необыкновенную ясность, незамутнённую, перед которыми пасует любое угрюмое неверие.

Что со мной?.. Ручаюсь головою,
Что-то вдруг со мной произошло.
Заново люблю я всё живое,
Всё, в чём свет сияет и тепло.

Вот я в лес вхожу — задел осинку,
Как бы зря не сбить с неё листа!
Как бы не смахнуть с травы росинку —
Так она немислимо чиста!

Десятилетиями дружа и совместно работая с Николаем Константиновичем в альманахе «Поэзия», иногда мне казалось, что его стихам не хватает только одного: драматизма, трагического отношения к жизни, к смерти, к жестокой краткости и хрупкости человеческого существования. Но позже я понял, что беда-то во мне самом, что это мне не хватает более светлого, более ясного мироощущения. Это мне не хватает тончайшего внутреннего слуха, чтобы услышать, почувствовать гармонию мира. Гармония в самой сути творчества Старшинова. Отсюда и равновесие в его стихах светлых и тёмных тонов, отсюда и естественность переходов одного состояния в другое. Хотя поздние стихи поэта всё больше тяготеют к новой, по-осеннему мрачноватой глубине, они, как настоявшееся вино, становятся крепче и приобретают привкус печали.

...И посыплются милости с неба,
И окатит меня синевою,
И проглянет земля из-под снега
Прошлогодней пожухлой травой...

И опять я поверю в удачу,
И опять за неё постою,
И последнюю нежность растрочу
На январскую душу твою.

По строгости и простоте, по сдержанности и волнующей искренности это, на мой взгляд, одно из лучших стихотворений поэта.

Можно было бы написать отдельную статью об улыбке в стихах Старшинова. В жизни человек с богатым чувством юмора, он и в литературе остаётся остроумным, лукавым, по-доброму ироничным и насмешливым. Вот несколько характерных строк из его искромётного стихотворения «На выставке собак»: «А эта гражданка, худая-худая, // идёт, как цветок, на ходу увядая...». Думается, что и Саше Чёрному и самому Маяковскому могла бы прийтись по душе эта кинематографически динамичная, очень зримая картинка! Или он, известный как заядлый рыбак, описывает всем знакомую рыбёшку, столь колючую и глазастую, что нельзя не воскликнуть без улыбки: «В чём и держится душа // у сопливого ерша!..» И нам опять передаётся живая, узнаваемая интонация, и нас как бы настраивающая на доброту, на взаимопонимание с природой. Но есть у Старшинова стихотворение, в котором ироническая усмешка так очаровательна, что не сразу понимаешь всю её прелестьную горькую подоплёку:

Вроде жизнь наладилась сполна.
Я ступил на ясную дорогу,
Дочка вышла замуж
И жена
Тоже вышла замуж,
Слава Богу!

Неожиданный, взрывной эффект в конце строфы построен по законам трагикомедии! Это как бы по-чаплински комически отозвавшееся эхо пушкинской молитвы: «Как дай вам Бог любимой быть другим», но только после того уже, как «любовная лодка разбилась о быт».

Старшинов часто выступал. Его прекрасно принимала публика. Подкупала его доверительная, демократичная манера чтения стихов, общения с залом. И невольно думалось, что вот есть поэты, о которых критика пишет обильно, а знают этих поэтов лишь окололитературные круги. О Старшинове же, к сожалению, написано не так много, но его знают всюду, у него есть своя аудитория, верная ему. Хоть горько сознавать, что серьёзно критикой он так и не прочитан. Правда, непростительный и несправедливый этот пробел частично восполнен в книге о нём, которую с проникновением в суть старшиновской поэзии и судьбы написал критик Владимир Коробов.

На творческих вечерах поэта всегда было немало выступающих. Как правило, это его товарищи по поколению, близкие друзья-поэты, ученики. Но жаль, что в своих речах многие из них всё больше сбивались на байки о Старшинове, на рассказы о нём, как о весёлом человеке, о рыбаке, игроке «в дурака», об этаким добрячке, «рубаше-парне». Подозреваю, что даже из них не все по-настоящему понимали истинное значение Старшинова в нашей поэзии. А ведь он один из самых разнообразных, ярких русских поэтов. В его творчестве органично сочетаются и песенное начало, и болевое, совестливое отношение к женщине, к Родине, и чистота, и грустная нота... В том и своеобразие этого голоса, что в нём отражена вся полнота жизни, а не какая-то одна, пусть и привлекательная черта.

Тот, кто знаком с его воспоминаниями «Что было, то было...», кто читал книгу статей Старшинова «Памятный урок», кто знает его работы о Блоке, Некрасове, Мартынове, тот открыл в нём для себя умного собеседника, тонкого ценителя искусства, человека большой культуры и безупречного вкуса.

Стали уже легендой доброта Старшинова и его готовность помочь другим. Скольким людям он был нужен! Помню, как в последние месяцы и даже дни своей жизни ему звонили Сергей Марков, Николай Глазков, Леонид Мартынов!.. Он был им необходим, он согревал их своим участием, своей добротой. Разных поэтов, разных школ и направлений принимал он, даже неблизких ему. А сколько сил и энергии отдавал он молодой поэзии!.. Он составил первую в нашей стране антологию молодых поэтов, в которую вошло более двухсот авторов! Для отбора стихов в неё ему пришлось прочитать свыше трёхсот книг, не менее ста рукописей. Это о нём сказал один из молодых поэтов, что если будет открыт новый Пушкин, которого все так ждут, то откроет его именно Николай Старшинов! Не знаю, как насчёт нового Пушкина, но, думаю, мне, Старшинов всей своей жизнью, всем своим творчеством, всей своей эстетической открытостью создавал в молодой литературе такую ситуацию, которая если и не открывает, то, во всяком случае, подготавливает появление большого поэта, целой плеяды поэтов...

Было бы неверно представлять его облик сусальным. Он-то знал: сладок будешь — расклюют, горек будешь — расплюют... Но горьким быть не боялся. Со своими противниками (а они у него были) он воевал бескомпромиссно: выступал на собраниях, на съездах писателей, в любой аудитории, добиваясь утверждения правоты.

Были у Старшинова и свои пристрастия, привязанности. Ничто человеческое ему не было чуждо, и в чём-то он был не просто последователен, а, честно говоря, фанатичен. Но это не заграживало от него жизни и работы самых разных поэтов...

Могло показаться, коль уж он окружён таким количеством товарищей, друзей, знакомых, то и ощущает себя, как дерево в лесу, что жизнь его безоблачна! Увы, знал он и разочарования, и неудачи, и поражения терпел! Порою находились среди его друзей и отрекавшиеся от него. Видел я и письма к нему одного бюрократившегося его давнего друга. Эволюция этих писем или, точнее, служебных записок поучительна. Поначалу шли обращения к Старшинову-другу просто: «Коленька!..» Затем: «Николай Константинович!» Далее, по мере служебной зависимости одного от другого: «Тов. Старшинову. Оч. сроч.!» Я замечал в Николае Константиновиче и чувство обиды и огорчение, но больше всё-таки (и в этом весь Старшинов!) чувство досады, что человек в общем талантливый, зарвался, самовознёсся в те «облаце», откуда и падать больно и где от бывшего таланта остаётся одна лишь жалкая претензия!..

Старшинов когда-то написал: «Какое лицо у поэта?.. // Оно быть прекрасным должно». В полной мере эти слова относятся и к самому Старшинову, который своими стихами, выступлениями в печати боролся за прекрасное в жизни и в литературе.

Окидывая взглядом жизненный и творческий путь Николая Старшинова, думая о судьбе и таланте этого человека, стоит вспомнить слова Николая Лескова, сказанные им когда-то о Льве Толстом: «Хвалить не нужно, а нужно вести с ним одну и ту же «работу совести».